

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Николай Богданов

**БЕССМЕРТНЫЙ
ГОРНИСТ**

*Издательство
„Детская литература“*

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ

БЕССМЕРТНЫЙ ГОРНИСТ

РАССКАЗЫ

Москва
«Детская литература»
1979

электронная версия
SHAMANS
2016

Дорогие ребята!

В этой книжке два рассказа — о подвигах юных героев в годы Великой Отечественной войны.

Вы, без сомнения, полюбите храброго мальчика Алёшу из брянской деревни, который подбил из пушки фашистский бронепоезд. С волнением прочитаете о судьбе другого мальчика, тоже Алёши, ленинградского пионера, который в страшные годы блокады преодолел и голод и холод. Пересилил саму смерть.

Много таких героических ребят видел автор, когда в качестве военного корреспондента летал через линию фронта к партизанам и в осаждённый Ленинград.

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки В. Щеглова

Богданов Н. В.

Б73 **Бессмертный горнист: Рассказы/Переизд.;**
Рис. В. Щеглова.— М.: Дет. лит., 1979.—
32 с., ил.— (Книга за книгой).

5 к.

Рассказы об участии детей в Великой Отечественной войне.

Б 70802—390 207—79
М101(03)79

P2

КРАСНАЯ РЯБИНА

Трое суток неумолкаемо грохотал бой на краю Брянского леса. От деревни Кочки рукой подать. А на третий день в деревню ворвались немцы. Не слезая с мотоциклов, подкатывали гитлеровцы к каждому дому и кричали:

— Рус, выходи! Шнель!

Они гнали старого и малого на поле боя — собирать оружие и хоронить убитых.

Вместе с Арсением Казариным, колхозным конюхом, оставшимся теперь без коней, пошёл и его внучек, сирота Алёша.

Они плелись позади всех, бородатый дед и босоногий мальчишка, тащивший на плече сразу две лопаты.

Когда Алёша увидел наших убитых солдат, он заплакал. Лицо, залитое слезами, сморщилось так, что все веснушки слились в одну.

— Молчи,— сказал дед,— это война! Чем реветь, посчитай-ка лучше, сколько фашистов наши постреляли! Недаром же наши полегли... Вечная им слава!

И дед стал хоронить убитых прямо в окопах, где застигла их смерть. Оружие немцы приказывали стаскивать к большим грузовикам:

— Аллес, аллес, давай, давай!

Дед сердито кряхтел, еле двигаясь под грузом автоматов и ящиков со снарядами.

— Больно жадные! — ругался он, возвращаясь на поле боя.— Смотрите не подавитесь...

Потом он куда-то исчез. Алёша не сразу увидел его. Дед волочил за собой противотанковую пушку. Затащив её в блиндаж под рябиновым деревцем, он стал ловко закапывать её в одну братскую могилу с нашими артиллеристами.

— Дед, ты это зачем? — удивился Алёша.

— Так надо! — прикрикнул на него дед и, оглянувшись, зачерпнул солдатской каской масло, натёкшее из подбитого танка, словно чёрная кровь.

Он напитал маслом шинель и прикрыл ею затвор пушки.

— Теперь не заржавеет!

Почесав зудевшие цыпки на ногах, Алёша стал быстро закапывать клад, нажимая на лопату так, что у него заболели пятки. Он уже догадался, что задумал дед. А дед подкладывал в яму один ящик снарядов за другим: сгодятся!

— Заприметь место,— сказал дед, вытерев пот рукавом.

— Оно и будет приметное,— ответил Алёша.— Видишь: все корни рябине пообрубили. Засохнет рябина-то.

— Ага, значит, под сухой рябиной! Запомним.

Дед посмотрел на немцев, которые расхаживали по полю

с засученными рукавами и так увлеклись, выворачивая карманы убитых, что ничего не заметили. Он усмехнулся:

— Постойте, вас ещё жареный петух в макушку не клёвал!

Алёша не понял задорных дедовских слов.

— А знаешь, дедушка,— сказал он,— немцы говорят, Гитлер уже в Москву вошёл.

— Хотел с Москвы сапоги снести, а не знал, как от Москвы ноги унести.

— Это кто, дедушка?

— Да всякий, кто бы к нам ни совался. Я сам таковых бивал.

Алёша поглядел на деда. Всю жизнь он только и помнил, что дед с конями колхозными возится.

— Это когда же ты успел, дедушка?

— А в восемнадцатом году. Японцы лезли с Тихого океана, англичане — со студёного моря, французы — с моря Чёрного. Всех и не сочтёшь! А немец так же вот, как теперь, от заката солнца шёл. Тоже вначале потеснили они наши части, а как поднялась вся наша сила, ну и вымели мы их, как помелом.

— И ты сам их бил, дедушка?

Дед крепко зажал заступ в руках.

— Всяких бивать приходилось. Один раз такое было диво на Архангельском фронте — сейчас помнится. Видим: идут на нас по болотам солдаты в юбках. Юбки клетчатые, колени голые, ботинки жёлтые — ну, чисто бабы какие на нас ополчились. Ружья держат на бедре и сами трубки курят. Нам даже смешно стало. А потом как ударили мы и в лоб и с флангов — ни одного не упустили. Которых побили, а нескольких в плен взяли. Вот собрали мы их и спрашиваем: «Кто вас послал, юбошников? Чьи вы такие?» — «А мы, говорят, английского короля шотландские стрелки». — «Ах, вы — английского короля! Ладно». Поснимали мы с них юбки и прогнали обратно. Да и наказали с ними английскому королю: «Юбки понравились, присылайте ещё!»

Мальчик засмеялся: вот он у него какой, дед! А дед ещё раз поглядел на фашистов и сплюнул:

— Ишь, засученные рукава! Пойдите, штаны засучивать не пришлось бы!

Уходя, Алёша и дед оборачивались, долго ещё глядели на рельсовый путь, пролегающий невдалеке, на взорванный мост через речку Купавку, на холмик под рябиновым деревцем.

...Дважды зима покрывала белым снегом могилы первых героев войны. Дважды на них зацветали весенние цветы. Оживало и рябиновое деревце. Оно не погибло, подсохли только некоторые ветви.

Алёша часто приходил к нему. И, усевшись на холмик под деревцем, мечтал о том времени, когда можно будет откопать клад, скрытый под ним от врагов.

Обнищал народ, истомился под властью жестоких захватчиков. Терпенья нет.

Стиснув зубы бродил по деревням с сумой через плечо дедушка Арсений, собирал милостыню, чтобы прокормить себя и внука. И возвращался всегда хмурым, печальным.

— Крепись, Алёша,— говорил он,— худо живут люди, у самих есть нечего, вот погрызём сухую корочку — и на том спасибо!

Но однажды пришёл он весёлый, вместо сухой корки добрую весть принёс:

— Весенний гром гремит, вражьей силе капут сулит! Собирайся, пойдём послушаем.

В Брянских лесах не раз гремели выстрелы, с грохотом срывались под откос поезда, взорванные партизанами. Но такого грома ещё не слышали в деревне Кочки. Он был в сто раз сильнее того, что бушевал тогда, летом 1941 года.

— Пора,— сказал дед,— идёт наша главная сила!

Алёша, как на праздник, надел свой лучший пиджак и, взяв на плечи две лопаты, ушёл вместе с дедом в лес.

Подошли они к рябиновому деревцу, смотрит дед — а оно красное как кровь. Облепили его рябиновые ягоды, крупнее, чем на всех других кустах.

— Эхма,— удивился дед,— до чего красна рябина-ягода!

Алёша хотел сорвать ягоду, да не посмел: вспомнил, что эта рябина над могилой.

Дед ударил заступом, и Алёша стал копать, нажимая изо всех сил на лопату. Земля слежалась, копать было трудно да и опасно: немцы могли увидеть.

По стальным путям мчались через Брянские леса на восток эшелоны. Немецкие танки, пушки, солдаты проносились в грохоте колёс. Поезд за поездом шли тесно.

Сквозь заросли кустов дед смотрел на них жадными глазами, как охотник, выбирая добычу получше.

Алёша устал, пот лил с него градом. Яма стала ему уже по пояс, но пушки всё не было.

— Дедушка, неужели утащил кто-нибудь?

— Нет,— сказал дед,— у этого клада стража...

И вот что-то звякнуло о лопату. Звук этот отозвался прямо в сердце Алёши.

Дед, ощутив пальцами дуло, стал осторожно отгребать землю руками.

Вскоре старый и малый вытащили пушку, накрытую промасленной шинелью убитого артиллериста, и стали устанавливать её под деревцем.

— Эх, обтереть-то нечем! — тревожился дед.— Замок в глине, шинель в глине.

— А вот,— сказал Алёша,— моей одежей!

— Давай,— сказал дед.— Для большого дела чего жалеть!

И скоро пушка была готова к бою.

Дед совсем не умел обращаться со сложным прицелом и наводил простым способом: открывал затвор и смотрел в

дуло. Алёша заглянул за ним следом и увидел в кружке света фермы моста.

Старик раздвинул станины, вогнал сошники в землю и заправил снаряд, выбрав гильзу подлиннее. Он не ошибся: это был бронепоезд. И в ту же минуту показался бронепоезд, красуясь громадными башнями со множеством пушек, на всех парах спешил он на восток, туда, где гремело сражение.

— Дёргай! — шепнул старик мальчику.

Алёша дёрнул и сейчас же упал от грома выстрела. Пушка подскочила, толкнула деда. Алёша кинулся к нему: «Пропал дедушка!» Но дед быстро поднялся. А там, куда они стреляли, что-то оглушительно засвистело. Из бронированного паровоза струёй вырвался белый пар, и поезд остановился прямо на мосту.

— Ай да мы! — крикнул дед. — Котёл пробит! А ну, давай, давай!

Он снова стал наводить орудие.

Немцы из всех смотровых щелей, во все бинокли высматривали: откуда раздался выстрел? Все пушки бронепоезда изготовились открыть огонь, поводя стволами.

Полсотни орудий против маленькой пушки.

Но дед не робел. Он нацелился влечь чудовищу ещё один снаряд, облюбовав какой-то особый, красноголовый.

— Дед, гляди-ка! — крикнул Алёша.

Из-за поворота показался следующий немецкий поезд. Старик взглянул и замер:

— Упредить не успели... Сигнала нет... Сейчас... Эх, и врежет им!

Машинист увеличивал ход, чтобы с разгона взять крутой подъём после уклона. Колёса паровоза бешено крутились, а за ним тяжело грохотали вагоны и платформы с тяжёлыми танками.

И вся эта махина с полного хода врезалась в хвост бронепоезда. От страшного удара передний поезд изогнулся, взгорбился и стал рассыпаться на куски. А чёрная громада

налетевшего паровоза, окутанная паром, медленно заскользила по рельсам, счищая с них стальные коробки бронепоезда, как плугом. Рельсы со шпалами вздымались, закручиваясь штопором. Бронированные платформы вместе с людьми и пушками валялись под откос и в речку Купавку. Машинист включил тормоза, но было уже поздно: из-под колёс брызгали огонь и дым, а вагоны лезли один на другой. Тяжёлые танки, сорвавшись с платформы, летели под откос.

Лесное эхо умножало гул и скрежет крушения.

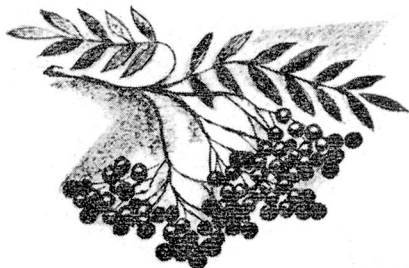
И вдруг ахнул такой взрыв, что волосы дыбом поднялись. Старый и малый поползли на четвереньках прочь, хотели было бежать, да вспомнили про пушку.

Вернулись за ней и, не глядя на то, что творилось там, на рельсах, впряглись в дышло и потащили пушку в лес, через пни и кочки.

И долго ещё слышно было, как позади них грохотало, трещало и ухало...

Этот рассказ записан со слов суворовца Алексея Казарина на торжественном вечере 23 февраля в Краснознаменном зале знаменитого суворовского училища на Волге.

После Алёши с воспоминаниями о гражданской войне выступал седобородый ефрейтор Арсений Казарин, который теперь служил здесь, в училище, на хозяйственной должности.

БЕССМЕРТНЫЙ ГОРНИСТ

«Тра-та-та, та-та!» И снова: «Тра-та, та-та!»

Алёша улыбнулся, заслышав призывные звуки серебряной трубы, и очнулся от боли — треснули губы. От недоедания у него так пересохла кожа, что нельзя было смеяться. Но как же не радоваться, заслышав пионерский горн, играющий побудку. Значит, ещё одна блокадная ночь прошла. Живы пионеры. Жив горнист, посланный в утренний обход!

Это трубит Вася — коренастый, крепенький мальчишка из пригорода, захваченного фашистами. Перед тем как слечь, Алёша передал ему свой пост. И счастлив, что горн попал в надёжные руки. Каждое утро бесстрашный паренёк хо-

дит от дома к дому, из двора во двор, не боясь ни бомбёжки, ни обстрела. И трубит, трубит, призывая ребят Ленинграда к стойкости и героизму.

В осаждённом городе самое опасное быть мальчишкой. Не бойцом на передовой, не пожарником на крыше, даже не моряком на «Марате», на который сыплется больше всего бомб, а именно мальчиком-подростком.

Солдаты умирают в бою, дорого отдав свою жизнь, а мальчиков Ленинграда выкашивает голод, как траву... И хотя хлебный паёк они получают наравне с солдатами, им трудней. Беда в том, что дети растут, от нехватки пищи их организмы начинают пожирать сами себя. Вначале жировые запасы, затем клетки тела. Мускулы слабеют, мясо начинает отставать от костей. Наступает сонливость, неподвижность и вечный сон...

Алёше нельзя умирать. Он должен бороться со смертью, как боец с врагом! И победить, чтобы потом встать в строй. Если не будут выживать и подрастать мальчишки, кто потом станет на смену погибшим бойцам?

Прежде всего надо пересилить скованность, безразличие, усталость и двинуть хотя бы рукой. Если горнист может поднять горн к губам — значит, и я могу двинуть рукой.

Алёша заставил себя пошевелиться, подняться, подтянуться и нащупать галстук. Теперь он не снимал его даже ночью. Не только потому, что трудно было развязывать затянувшийся узел. Зачем? Давно все спали не раздеваясь. Он решил не снимать потому, что опасался: а вдруг, если он умрёт, мама забудет повязать и его похоронят без красного галстука. А главное — с частицей красного знамени на груди ему как-то надёжней чувствовать себя бойцом.

Он прислушивается, не гудят ли самолёты. Нет, наверно, опять морозный туман. Это хорошо, в туман фашисты не летают. Не станет надрывать душу сирена воздушной тревоги. За себя он не боялся, боязно было за людей, которым ничем не мог помочь. Ни поддержать старых на узкой лестнице, ни помочь малышам.

Сам лежал обессиленный, как боец, раненный на ничьей земле. Ни тебе фашистов, ни наших. Лежишь один и подняться не можешь.

Но ведь подняться надо! Мама говорила, главное — движение, обязательно движение. Немного, чтобы не растратить напрасно сил, но двигаться надо.

И прежде всего умыться. Уходя, она всегда оставляет рядом миску с водой, губку и полотенце. Проведёшь мокрой губкой по лицу, и оно становится легче, потому что с него смывается известковая пыль, налетевшая от разрывов бомб и снарядов. И копоть от коптилки и от железной печки. Её поставил Антон Петрович, их сосед по квартире, в комнату которого они перебрались из своей, потому что в ней воздушной волной высадило рамы.

Да, неумытое лицо гораздо тяжелее. Оно больше давит на подушку, не даёт поднять головы. Алёша с напряжением всех сил достаёт всё-таки губку и снимает с лица тяжесть пыли и копоти.

Глаза открылись! Ого, уже веселей.

Теперь надо встать, чтобы поесть. Мама говорит: есть лёжа — последнее дело. Надо обязательно сидя за столом. И чтобы стол был накрыт: тарелки, ложки, вилки — всё, как полагается. Чтобы фашисты не чванились, будто они загнали нас в пещерный век, заставили потерять человеческий облик. Нет, мы и обедаем по-людски!

Правда, совсем недавно пришлось ему есть не по-людски. Но это был особый случай, когда он уже не поднимался, а мама всё-таки подняла его!

Алёша очень отощал. В те дни даже по рабочим и детским карточкам ничего не давали. Но женщин, работающих в оборонном цехе, там, где снаряжают противотанковые мины и гранаты, на счастье, кормили не супом и не тёплой болтушкой, которую с собой не возьмёшь, а кашей.

Все матери стремятся что-нибудь да унести с собой детям, а этого нельзя делать. Ведь если они ослабнут, кто же тогда

будет снаряжать оружием бойцов? Для того им и дополнительное питание, чтобы руки не ослабели, чтобы побольше гранат и мин делали.

Поэтому мастера, выдавая женщинам добавочную пищу, просят: «Всё ешьте здесь, ничего с собой».

И всё жидкое приходилось съедать, суп не вынесешь из цеха. Смотрят строго, ни в какую посудку не отольёшь. А вот каша — это другой разговор. Маме повезло, что кормили не в обеденный перерыв, а перед концом смены. Походная кухня запоздала, попав под обстрел, кашевар был ранен. Каша захладила, не разварилась, была комковата.

Мама просто вся просветлела, душа заиграла, когда подумала: «Ну, теперь-то я Алика угощу!»

Несколько комков съела, а остальные за щёку заложила. И так принесла домой во рту. Приложила губы к губам и давай кормить Алёшу.

Он уже не мог жевать: обессилел. Но она его заставила. Проглотив немного тёплой каши, он оживился, даже поднялся и сел в постели. Мама всё целовала его и говорила:

— Вот мы и как птички! Так голубки кормят птенцов! Из клюва в клювик! Из клюва в клювик!

И они смеялись. Смеялись! И говорили,— сколько будут жить, этого не забудут! Всем, всем будут рассказывать, как сказку, после войны.

Но теперь-то он не так слаб, он и без маминой помощи сможет подняться. Теперь ему помогает чеснок. Ой, какая это была удивительная находка. В своей собственной квартире, обысканной, переисканной, в которой ничего-ничего съедобного не осталось, даже засахаренной плесени на старой невымытой банке из-под варенья, даже яичной скорлупы. Вы знаете, что в скорлупе есть питательность? Не только присохнувшая к ней плёночка, но и сама скорлупа полезна. Это не просто кусочек извести. Её можно истолочь и посыпать, как соль, на хлеб.

Переселяясь в комнату Антона Петровича, искали в кух-

не сковородник, ещё раз заглянули за плиту и увидели там головку чеснока. Как она туда завалилась, когда? Вначале глазам не поверили. Голодающим часто видятся разные разновидности съедобные. Но это оказался настоящий, а не привидевшийся чеснок. Целая головка. А вы знаете, сколько в ней долек! Посчитайте. Если есть каждый день по одной на двоих, хватит на полмесяца!

Но чеснок нельзя есть просто так, его надо натирать на кусочек хлеба. Тогда самый чёрствый, самый сырой и непропечённый хлеб становится похожим на копчёную колбасу!

И как же они с мамой берегли эту находку! Чтобы и не высохла и не подмёрзла ни одна долька. И сколько времени прошло, а ещё держится! И вот сегодня Алёша будет есть хлеб, натёртый чесноком.

И угостит Антона Петровича. Не чесноком, конечно, а только запахом чеснока. Антон Петрович ни за что другого угощения не примет. Только проведёт долочкой по кусочку хлеба и скажет, зажмурившись: «Ох, вкусно!»

Что-то он долго не возвращается с дежурства? Заслышав его тяжёлые шаги, Алёша, собрав все силы, поторопился было встать, чтобы не услышать: «Ай, как ты залежался, лежебока, я, старый, уже в очереди постоял и твой хлебный паёк получил, вот, пожалуйста, а ты, молодой, всё лежишь?»

Как хорошо, что он есть и живёт вот здесь рядом, за шкафом. С ним легче, когда он приходит с дежурства и спит днём, можно слышать его дыхание. С ним надёжней и ночью, когда знаешь, что, пока ты спишь, он бодрствует на чердаке, на крыше, не даёт поджечь дом зажигалками... Сколько их потушил он — и числа нет!

«Хватаю их вот этими старинными щипцами от камина и в ящик с песком — раз!»

До войны он был уже седой, но с розовыми щеками. А теперь от голода стал совсем белый и как бы прозрачный. Мама говорит: «И в чём душа держится». Но душа у него

крепкая и хорошо держится. Когда ему особенно тяжело, он «питает» её «пищей духовной». Читает вслух стихи:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...

Много книг сожгли они в печке, но Пушкиным он не жертвует даже ради тепла... Много, много строк запомнил Алёша из того, что читает вслух Антон Петрович...

И он всё же пришёл. И был сегодня даже не белым, а синеватым. И не разделся и не лёг спать, приговаривая: «А я сегодня ещё шесть штук погасил... Дивная ночка была... Ни одного пожара».

Антон Петрович не пожурил Алёшу за лежебокость, он взял его руку и, вложив в неё бумажные пакетики, сказал:

— Сохрани это, мальчик, до весны... Здесь семена...

— Хорошо,— сказал Алёша,— конечно...

— Вот тут твой паёк и мой, вы его, пожалуйста, ешьте... Меня на дежурстве кормили... да, да...

— А вы куда, дядя Тоша?

— Я далеко, в пригород... Туда, где у моих родственников полная яма картошки со своего огорода... Ждите меня, обязательно ждите, я много-много принесу, сколько до-несу...

Алёша закрыл глаза, представив себе яму, полную картошки, о которой так много рассказывал Антон Петрович.

«Надо дотерпеть только до весны, когда открывают картофельные ямы... Вот оттаёт земля, иначе не вскроешь мёрзлую... Мы возьмём заспинные мешки и пойдём!»

Это была мечта, которой они жили все втроем...

— До весны ещё так далеко... Но, наверно, Антон Петрович нашёл способ вскрыть мёрзлую землю... Картошки так хочется! Но почему же он не зовёт меня с собой? Разве я так уж слаб? Да, если не зовёт, значит, я очень слаб...

Все эти мысли вились в голове Алёши, в то время как старик ласково гладил его волосы, прежде волнистые, а теперь поседевшие, ставшие жёсткими и ломкими...

Алёша задремал под эту ласку и не слышал, как Антон Петрович ушёл.

Очнувшись, он ощутил что-то зажатое в руке, вспомнил, что это семена. И стал разглядывать красиво нарисованные на пакетиках луковицы, морковки, свёклы... Ой, а ведь семена съедобны.

Но нет, не станут их есть, хотя их можно было жевать. И чёрненькие, островатые семечки лука, и похожие на просинки семечки салата, и даже угловатые, сморщенные семена свёклы. В них много питательного.

Конечно, если бы их было много, а то щепоточка. А вот если их посеять и вырастить, это же будет целая гора! А вырастить есть где, столько вокруг скверов и дворов. Ого, только копай да сажай!

Пионеры уже взяли на учёт будущие огородные площади и всё спланировали, где что сажать и сеять.

Важно дожидаться весны, а уж там-то мы проживём! И другим поможем. Надо жить. Если не будет мальчишек, кто же будет копать грядки. Надо проявить силу воли и не сжевать эти чудесные семена.

Есть же в Ленинграде люди, которые хранят знаменитую на весь мир, собранную за долгие годы русскими учёными коллекцию семян пшеницы. Тысячи сортов. Начиная с тех, что обнаружили в гробницах фараонов Древнего Египта, до тех, что нашёл академик Вавилов в неприступных горах Памира.

Там их не горстки, а килограммы, центнеры, тонны — пакетиков, пакетов, мешочков, мешков... И все целы. Их стерегут для науки, для будущего люди, умирающие от голода. И не жуют, как крысы. Нет, это люди, они не сдаются. Про их стойкость так хорошо рассказывал Антон Петрович. А какие же там, наверно, хорошие, крупные зёрна! Однажды маме на заводе выдали горсть ячменя за ударный труд.

Ой, как же они взволновались, когда собрались этот ячмень съесть. Нельзя же так сразу. Сжевать, и всё. Дикость какая! Ячменные зёрна вначале поджарили, потом смололи на кофейной мельнице и целую неделю заваривали и пили как кофе!

Что же это за прелесть, когда пьёшь не пустой кипяток, а заваренный хоть чем-нибудь!

Но это всё в прошлом, это было ещё тогда, когда Алик сам сбегал и сам поднимался по лестнице. И даже тогда, когда его стала вносить мама. А потом она сказала: «У меня нет сил поднять тебя». И Алёша перестал выходить на улицу. Вот тогда пришлось сдать горн другому пионеру.

«Тра-та-та! Та-та!» Горнист всё ещё ходит, трубит. Пионерская побудка доносится в разбитые окна.

«Горнист жив, и я буду жить!»

Алёша готов встать и сесть за стол завтракать. Там на тарелке, накрытой чистой салфеткой, лежит ломтик хлеба, уже натёртый чесноком. Мама убирает оставшиеся дольки, смешная, не верит в его силу воли!

Чудачка, он же знает, где спрятан чеснок, и может достать в любую минуту. Но он стойкий, никогда не съест свою порцию хлеба просто так, не проглотит жадно кусками, а делает всё, как велит мама. Нальёт горячего чаю из термоса, оставшегося в память от папы. Добавит туда одну чайную ложку, одну, варенье-воды. Есть у них такая. Они налили воду в старую банку от варенья, которую забыли когда-то вымыть, и получился душистый, пахнущий клубникой настой. Вот если его влить в кипяток одну лишь чайную ложечку, это уже будет не просто кипяток, а чай с клубничным вареньем!

Всё это Алёша представил себе и опять чуть не улыбнулся, но вспомнил, что от улыбки у него трескаются и кровоточат губы, и сдержался.

Вставать было нужно, но так не хотелось, угревшись под одеялом и шубами, лежал бы и лежал весь день, но у него есть священная обязанность — заготовка дров. До прихода

мамы он должен заправить печку. Это их праздник — за-топить и смотреть, как играет пламя. Усевшись рядышком, подставляя огню руки, лица, мечтать о весеннем солнце.

С напряжением всех сил Алёша выбрался из-под шуб и одеял и стал завтракать. Медленно-медленно жевал тоненький ломтик хлеба, пахнувший копчёной колбасой, запивая чаем.

Потом стал трудиться. Это необходимо: без труда человек вянет, как трава без солнца, говорит мама.

Трудиться ему очень трудно. И хотя топор не тяжёл, рубка дров даётся нелегко. Мама приносит обломки старинных стульев, кресел, кроватей из разбомблённых домов.

Горят они здорово, с треском, но крепки, как железные. Попотеешь, пока изрубишь.

Этой работы хватило бы до прихода мамы, но Алёша разделяет её на два приёма. Потому что ему нужно ещё позаниматься, выучить уроки. Ленинградские ребята решили не бросать ученья ни за что! «Пусть не думают фашисты, буд-то они заставят нас вырасти неучами в осаде. Не поддадимся!»

«Тра-та-та! Та-та!» Горнист всё ещё ходит, трубит.

Кто не мог ходить в подвал, где были классы с партами, с чёрной доской, тому уроки задавали на дом. И учительница через день, через два обходила таких ослабевших ребят...

Что-то её давно нет. Но она придёт же когда-нибудь, и Алёше будет чем отчитаться. В последний приход она зада-ла уроки на неделю!

Разогрев подмёрзнувшие чернила, Алёша переписывает набело диктант, который он научился сам себе диктовать. И вдруг его подбрасывает далёкий подземный толчок, почти незаметный. Но он-то знает, что это начинается об-стрел. Это ударило тяжёлое орудие, установленное немцами где-то за Пулковскими высотами.

Нарастает тугой свист, от которого из рамы вываливает-ся заткнувшая пролёт окна подушка.

Разрыв позади дома сотрясает стены, жалобно звенят уцелевшие стёкла.

Снова подземный толчок, и снова тугой свист. И ещё и ещё. Снаряды летят вразброс, разрывы справа, слева. Не поймёшь, куда целятся.

— Дураки! Дураки! — сквозь стиснутые зубы ругает фашистских артиллеристов Алёша. — Куда палят? Наши солдаты, пулемёты, пушки — всё на окраинах. В центре города ничего военного нет... Ну и пусть, пусть тратят зря снаряды, дураки!

Вот где-то особенно близко грохнуло. Окна застелило дымом. Хочется посмотреть, что загорелось. Алёша подтягивается на подоконник. Горит дом напротив через улицу, хороший, красивый, с колоннами...

— Дураки! Дураки!

Может быть, потушат? Хочется посмотреть дольше, но снова далёкий подземный толчок, и он сползает с подоконника. От близкого разрыва могут попасть в глаза осколки стекла. А глаза ему пригодятся, чтобы смотреть в оптический прицел винтовки, а не зря глазеть из любопытства. Не имеет он права рисковать глазами будущего снайпера.

Алёша заставляет себя отвернуться к стене, на которой играют тени пожара...

Разрыв где-то далеко... Но следующий может быть и в их доме. Ему становится страшно при мысли, что вернётся мама, а на месте дома — груды развалин... Вдруг доносится звук, от которого сразу теплеет на сердце. Он похож на успокаивающее гудение пчелиного улья.

— Ура! — шёпотом кричит Алёша, у него что-то сел голос в последние дни. — Ура, пошли штурмовички! Они вам дадут жару!

Штурмовиков еле слышно за дальностью расстояния, но Алёша, закрыв глаза, воображает, как наши лётчики пикируют на фашистскую батарею, ведущую огонь. Как гитлеровские артиллеристы разбегаются и падают, побитые...

Когда-то он любил рисовать такие картины цветными карандашами, но теперь сил нет, и он рисует эту картину мысленно. И шепчет:

— И это ещё не всё, вам ещё ночью «подсыплет» за нас за всех «Марат»!

Он знает, что матросы-наблюдатели, живые глаза броненосца, стоящего на Неве, притаившись у ничьей земли, высматривают позиции немецких батарей, замечают и засекают их по выстрелам.

А ночью медленно, тихо разворачивается башня главного калибра «Марата», громадные орудия нацеливаются по указанным точкам и — баumm, баumm! — грохают, грохают. И весь город содрогается от радостного гнева. Ага, достаётся и вам, фашисты! От таких снарядов ни один блиндаж не спасёт. Главный калибр не шутка!

Днём «Марат» притворяется мёртвым. Вчера его беспрепятственно бомбили. Эскадрилья за эскадрилей пикировала на линкор и сыпала бомбы, как мусор. Алёша видел их поток простым глазом. На палубе всё кипело, как будто извергались вулканы. Когда корабль окутался чёрным дымом, немцы бросили бомбёжку, решив, что всё кончено.

Но Алёша знал, что маратовцы перехитрили врагов, напустив дыму. Их бомбы линкору что орехи. Потому что поверх палубы матросы настелили много слоёв броневых плит, заготовленных для постройки военных кораблей.

Бомбы, попадая в них, сбрасывают разрывами несколько слоёв бронелистов, как чешую. Ночью матросы их снова положат на место, и всё...

Гитлеровцы радуются, что разбомбили линкор, а корабль хитро дремлет весь день, а ночью как проснётся да как загрохочет!.. Вот и этой ночью он им даст! И радость отмщенья бодрит Алёшу. Он потирает руки, бормоча:

— Вам попадёт, попадёт, дураки!

От сильных переживаний вдруг очень хочется есть. Так

хочется, что кружится голова и он валится на пол и падает мягко, как ватный. И долго лежит в забытьи.

«Тра-та-та-та! Тра-та! Тра-та!» — пробуждают его звуки горна. Оказывается, это уже новое утро. И он проспал от слабости целые сутки. И чуть не умер во сне! Но жив скуластый паренёк, к которому перешёл его горн,— значит, и он будет жить!

Алёша приподнимает голову, потом, опираясь на руки, встаёт и идёт к столу, где ждёт его недоделанный урок. Надо заниматься, надо учиться, отставать нам нельзя, мы ленинградцы. Надо собраться с силами. И настроить мысли на занятия. Собрались же с силами ребята, которых повёл горнист помогать пострадавшим от обстрела.

Ах, какой же это отличный парень из пригородного колхоза, смелый и сильный. Ни снаряды его не берут, ни голод, это какой-то бессмертный горнист.

Алёша даже загадал: «Если каждое утро он будет играть побудку, я буду жить!»

Вот и вечер наполнил комнату синим светом. Пора опустить тяжёлые, плотные шторы и зажечь лампочку-коптилку. В темноте нехорошо. Страхи ползут какие-то. Маленький огонёк, а всё же с ним веселей.

Главное, не застыть, не перестать двигаться, пока не придёт мама. Она потормошит, потискает немного.

С мамой ночь не страшна. Главное, пережить то время, когда остаёшься один, без неё.

Прошёл ещё один день осады. И Алёша остался жив. Темнеет быстро. Лишь на западе зловеще багровеет полоса заката.

И вдруг в этой багровой полосе возникают чёрные силуэты птиц. Стаями тянут они к городу, вороньё... в них есть что-то мёртвое, потому что они не машут крыльями... Это фашистские стервятники...

Куда же летят они?

Один за другим пикируют с высоты и опять, опять клюют и клюют «Марат».

Воздух сотрясается от взрывов, и снова из окна вываливается подушка, которую, не помнит когда и как, поставил на место Алёша.

— Ничего у вас не выйдет, дураки, дураки,— шепчет он, отворачиваясь от окна, не в силах глядеть на зловещую картину бомбёжки.— Значит, досадил он вам ночью... Пойдите, вот стемнеет, наша возьмёт!

И спускает тяжёлую штору.

В комнате во всех углах сгущается тьма, только над столом жёлтый, тёплый огонёк коптилки. И рядом стриженная голова мальчика. Беззвучно движутся его губы, он шепчет сам себе диктант. Он занимается. Если не придёт учительница, тогда мама проверит уроки и задаст новые.

Вот она идёт! Это её шаги! Он научился различать их издали, на самых первых ступенях лестницы! Она оставалась на каждой площадке, ей нужно отдыхать. А может быть, она даёт ему время подняться из-за стола, затем двинуться навстречу и помочь открыть забухшую от сырости дверь квартиры.

Когда мама тянет к себе, а он подталкивает к ней, пусть слабо, чуть-чуть, она уже чувствует, что он здесь, жив! И это такая радость!

Бывает, что от слабости не может толкнуть дверь, тогда он просто на неё валится, и дверь всё же открывается. И он ликует, что дождался маму, не поддался смерти!

Но сегодня он что-то очень слаб. И у него не хватает сил, не может он толкнуть дверь и сползает к порогу...

И в это время дверь открывается и к нему навстречу падает мама. Её одежда пахнет морозом и дымом. Её лицо черно от копоти. Пряди волос слиплись. И губы черствы. Но он целует, целует их, хотя ему больно...

И вдруг понимает, что это не его мама... Это чья-то чужая. Хотя у неё такие же ввалившиеся глаза. И из них так же, как у мамы, текут слёзы. И она шепчет те же слова, что мама:

— Ты жив? Ты цел? Зайчонок!

Ему хочется сказать, что она, очевидно, ошиблась подъездом. И он совсем не её «зайчонок». Но чужая мама, торпливо схватив его в объятия и усаживая на стул, сама говорит:

— Вижу, занавешено окошко даже днём... значит, никого в живых уже нет. И вдруг смотрю — щёлочка и в неё кто-то смотрит... Ах, как бросилась вверх по лестнице, откуда и силы взялись! Подумала, а вдруг это мой... А у тебя что, никого не осталось тоже? Ты один? На́ вот, маленький. Кушай!

И суёт ему в рот что-то липкое.

— Это питательно. Это я своему несла... А его нет. И дома нет, и ничего нет... развалины. Дымятся... А уходила — всё ещё было... и дом и он... Ну, ты кушай, кушай... Да ты что, разучился есть? Давно один? Ослаб совсем... даже шторку не задёрнул... Смотрю — свет горит... И вот я на этот свет... Ты кушай, кушай, ты должен есть, чтобы жить!

Алёша машинально ест. Согревается идущим от неё теплом и засыпает.

Возможно, это ему приснилось... Но, проснувшись ещё раз от звуков горна, Алёша обнаруживает у себя под боком свёрток с едой. От него так необыкновенно пахнет, что Алёша находит его сразу. Развёртывает — и что же там: хлеб, намазанный повидлом! Это так вкусно... И его зубы сами впиваются... Но тут его останавливает мысль: «Это не моё... Здесь какая-то ошибка!»

Но зубы уже нельзя остановить. Они жуют, жуют и заставляют глотать прожёванное...

Наверно, Алёша уже был так плох, весь организм его был на таком крайнем пределе, что не съесть этот хлеб с повидлом было бы равносильно смерти. Проглотив всё до последней крошки, он впал в забытьё... Когда Алёша проснулся снова, он сразу встал с кровати. И чуть не упал от радости — в дверях показалась мама.

— Ты жив? Цел, оленёнок! — Она крикнула всё так же, как та, чужая мама, за исключением «зайчонка».

И у неё так же закапали слёзы. И они обнялись так крепко, что слышали биение сердец друг друга за тонкими слабыми рёбрами. И это так радостно. Бьются два сердца рядом. Они живы, живы. И вместе.

— Как ты тут жил без меня, оленёнок?

— Ничего,— отвечает Алёша.

— А я, когда очнулась, спрашиваю, где я, что со мной, какой день идёт?.. Подумать только, была в обмороке трое суток!.. Как упала, выходя из цеха... И вот... Хорошо, что подвезли машиной... Жив, жив, милый Алешуня мой... Теперь всё будет хорошо. Всё чудесно. Ты не слышал ещё, по льду Ладоги проложена ледовая дорога. «Дорога жизни»! А что ты ел тут без меня? Как ты не умер с голоду? Постой, да у тебя кто-то был... Чужие варежки?

И Алёша тоже замечает чужие варежки под столом... И рассказывает о чужой маме, которая ему словно приснилась, как она плакала о своём и кормила чужого «зайчонка».

Мама молча кивает головой. Она видела этот дом, развалины которого ещё курятся дымом... Там работают сапёры, пытаются спасти кого-нибудь из-под обломков... И многих уже спасли.

— Может, она ещё найдёт своего, поэтому она и поторопилась уйти,— старается мама утешить Алёшу.

— Зачем же я съел его хлеб с повидлом?

— Ничего, Алёша, был бы он жив, в госпитале... его тоже накормят... Да и я могу помочь... Если... Ах, как же она ушла и ничего, кроме этих варежек... А может быть, сказала что-нибудь? Хоть бы узнать, кто! Может быть, она разговаривала с Антоном Петровичем? Он спит всё ещё после дежурства? — прислушалась мама.— Почему на тебе его пальто?

— Ах, я и забыл, он же ушёл... за картошкой. Велел

ждать его с большим мешком, с большим... с большим и полным картошки!

— Да? — Мама тревожно оглядела комнату.— А взяли он мешок, Алёша?

— Взял, взял, я сам видел... И оделся похуже, это ведь далеко, там уже рядом окопы... И ямы. Полная яма огородной картошки!

— Зачем же ты отпустил его, Алёша?

— Так ведь же обещал вернуться!

— И он отдал тебе хлеб? И карточки до конца месяца?

— Да, вот они, велел получать и кушать, а он там у родственников покормится. Картошкой. Ему же нужно будет отдохнуть перед дальней дорогой. Ну что ты, мама?

— Давай, Алёша, помолчим.

— Ты думаешь, он пошёл умирать на кладбище? Чтобы не быть людям в тягость? Нет, мама, нет!

— Помолчим.

— Но он же обещал вернуться... А хорошее пальто набросил на меня, чтобы мне было теплее!.. Нет, мама... Он не мог обмануть меня!

— Нет, конечно, Алёша... Он старый коммунист... Мы будем ждать его. Мы должны жить и крепиться. Мы не должны умирать, Алёша! Столько людей отдали за нас свои жизни, что мы обязаны крепиться и победить... Победить!

Мать и сын долго молчали.

А потом они обедали и сразу ужинали, заправив кипятком лавровым листом. По запаху это был почти суп. Они ели его ложками, налив в тарелки. И несли ко рту, подставив ломтики хлеба. Когда на хлеб капало, хлеб пропитывался тоже запахом настоящего супа. Это было так вкусно! Мама, как всегда, пыталась обмануть сына, подсунуть ему кусочек хлеба побольше. Но Алёша бдителен. Он разгадывает её «военные хитрости» и не ошибается, сортируя маленькие квадратики, на которые они разрезают паёк.

Сегодня уже подвезли муку по «Дороге жизни», по льду Ладоги. Был туман, и немецкие лётчики не смогли помешать нашим автоколоннам. И завтра, глядишь, они пробьются и можно будет вот так же есть не пустой обед и ужин, а с хлебом, с настоящим хлебом!

И сын и мать, полные надежд, укладываются спать вместе, чтобы согреть друг друга. Они вдоволь насмотрелись на огонь. Закрыли печь. Прежде чем заснуть, они ещё долго говорят не наговорятся. Алёша рассказывает, как снова его разбудил утром весёлый горнист.

— Он так хорошо трубил, мама, так громко. Ты не бойся, он и завтра придёт и разбудит. Я знаю. Ему ничего не делается. Он такой здоровый паренёк из пригорода... Он жив, и я буду жить!

— Такой беленький, да? — говорит мама. — Кажется, я его видела вчера.

— Нет, он смугловатый.

— Ага, с голубыми большущими глазами, ну да, я же с ним встретила в воскресенье, собирая обломки мебели на дрова...

— Да нет же, мама, глаза у него как раз карие.

— Ну, а мне показалось...

— Конечно, ты его видела издалека, а я смотрел прямо ему в глаза, когда передавал горн, как ослабевший более сильному...

— Правильно, правильно, он сильный, на нём матросский бушлат...

— И вовсе и не бушлат, а полушубок.

И вдруг они засыпают, не успев уточнить, как выглядит горнист.

Он жив, здоров, каким бы он ни был, голубоглазым или кареоким, главное, что трубил он в горн, призывно поднимая ребят на борьбу за жизнь.

И каждый раз, пробуждаясь, Алёша улыбкой ранил себе губы, они трескались, пересохнув от недостатка питания.

«Жив горнист! Значит, и я проживу!»

Так продолжалось много-много дней. Пока наконец не пришла весна и все, кто уцелел, не вышли на улицы. И вышел Алёша с семенами, сбережёнными им для посева. И взрослые, и дети чистили, убирали улицы, вскапывали каждый клочок земли. Семена были нужны, как вода и воздух.

Каждому пакетику люди радовались. Алёшу хотели ребята качать, да не хватило сил. Преодолевая усталость, он бросился навстречу горнисту, как только завидел его с медной трубой в руках. Обнял, подкравшись сзади, и удивился, что он так худ. Закрыв ему глаза ладонями:

— Угадай кто? Не узнаешь, это же я, Алёша!

— Какой Алёша? Пусти!

— Спасибо тебе! Спасибо, друг! Если бы не ты, я бы, пожалуй, умер! Как ты здорово трубил каждое утро побудку! И откуда у тебя нашлось столько силы?! Я едва по комнате передвигался... А ты чуть не по всему городу... Я слышал, как ты играл и на нашей улице, и дальше, и ещё дальше... Ну, ты просто железный какой-то! Ну, разве не помнишь? Ты же принял от меня горн тогда, зимой.

Поняв, что горнист не может угадать его, Алёша разомкнул руки и заглянул ему в лицо.

И отшатнулся: перед ним стоял совсем другой мальчик, не тот, которому он передал горн, а синеглазый, узколицый, бледный. Совсем другой.

— А где же тот мальчишка, который из пригорода? Вася?

— Не знаю,— сказал синеглазый,— мне передал горн мальчишка с нашего двора, Аркадий.

— А ему кто?

— Одна девочка из дома напротив...

— А ей кто?

Оказывается, ходил и трубил не один горнист и не два, а много-много мальчиков и девочек. Они сменялись, передавая горн из ослабевших рук в более сильные. Многие умира-

ли, но горн жил. Он играл, играл, звучал непрерывно, помогая всем ленинградским ребятам стойко переносить беду.

И вот всем уцелевшим светит солнце. Они будут жить. И их враги утекли, как растаявший снег в половодье.

А бессмертные наши горнисты, послушай, они и сейчас по утрам звонко играют побудку!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

КРАСНАЯ РЯБИНА	3
БЕССМЕРТНЫЙ ГОРНИСТ	11

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Николай Владимирович Богданов

БЕССМЕРТНЫЙ ГОРНИСТ

ИБ № 3072

Ответственный редактор Л. П. Серебрякова
Художественный редактор М. Д. Суховцева
Технические редакторы М. В. Журавлёва, Л. Н. Никитина
Корректор Н. Г. Худякова

Сдано в набор 16.03.79. Подписано к печати 17.07.79. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 2.
Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,51. Тираж 450 000 экз.
Заказ № 4574. Цена 5 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1979 г. вышли
и выходят следующие книги:

Кассиль Л. ОГНЕОПАСНЫЙ ГРУЗ.

Рассказ о войне

Платонов А. СУХОЙ ХЛЕБ.

Рассказы о детях

Полевой Б. РАЗВЕДЧИКИ.

Рассказы о бойцах Советской Армии

Твардовский А. РАССКАЗ ТАНКИСТА.

Стихи о родном крае, о героизме.